

ВАЛЕРИЙ НАХАЛЬНЫЙ
**МОХНАТЫЕ
БРОВИ
ВОМБАТА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Нахальный

Мохнатые брови вомбата

<https://litres.ru/74624478>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой книге нет скрытых концепций и зашифрованных идей — только честное человековедение на фоне потрясений начала XXXI века. Книга не обещает раскрыть тайный смысл революции и не прячет за историческими фактами второй план. Это взгляд на то, как эпоха ломала и собирала человеческие судьбы. Здесь всё стоит воспринимать буквально: каждая сцена, каждая реплика, каждый поступок — о реальных мотивах и чувствах, без символических трактовок. Здесь нет скрытых подтекстов: всё, что описано, стоит понимать буквально — как свидетельства времени. Это история о чудесном превращении через призму простых человеческих состояний: надежды, усталости, решимости и сомнений.

Валерий Нахальный

Мохнатые брови вомбата

Чтение — вот лучшее мучение!

Маркиз де Сад

Я редко увлечён и редко удручён.

Ты славно всё устроил, Боже:

Коль скоро все умрут, то смысла нет ни в чём.

А если не умрут, то тоже.

Д. Коровин

1

С. Как я стал полковником. С этой истории всё и началось — с того самого момента, когда я, скромный бухгалтер из губернского городка N, понял, что больше не могу терпеть запах тушёной капусты на обед. Не то чтобы я был гурманом, но после третьего подряд обеда с одним и тем же блюдом даже самый флегматичный человек начинает задумываться о сущем, первопричинах природных явлений и их изменчивости.

В тот день, когда я окончательно возненавидел капусту, по городу разнеслась новость: местный помещик, граф Прибейголова, был убит собственным поваром Еремеем Лупоядом — тот, видимо, устал от того, что граф требовал постоянно гнуть на него спину, или же между ними возник межклассовый антагонизм. В ходе расследования было установ-

лено, что Еремей искренне и помногу сочувствовал пролетариату и отчасти беднейшему крестьянству. По несколько раз на дню он восклицал: «Да что же это такое делается! Вы только посмотрите на этот гнёт, господа бывшие крепостные!». Убийство было настолько антигуманным и жестоким, что даже полиция, не говоря уже о разного рода родственниках покойного, зашла в тупик ещё на этапе опознания трупа, ибо граф был сам на себя не похож — он был весь ниже пояса измазан кровью и имел неаккуратные ножевые ранения в области пупка.

Я понимаю о чём ты подумал, дорогой читатель... но это не детектив, у меня было железное алиби. Я, между прочим, как раз в тот момент сидел в кабаке и пытался объяснить хозяину, что:

—...Борщ не должен быть цвета похоронного венка. Он должен быть как минимум — сангиновым, а как максимум — с мясом.

— Вот представь такую картину! — возражал тот. — Ты несёшься в белом, как свежие подштанники, батискафе по морским глубинам. Навстречу тебе проносятся женщины со стеклянными глазами и золотыми волосами, в простонародье зовущиеся русалками. При всём при этом навигация осложняется трёхмерной ориентацией...

— Но позвольте! — во мне проснулся дремавший многие годы ихтиолог. — От чего глаза этих прекрасных женщин стеклянны, а не оловянны, как у сталеваров, или деревянные,

как у лесорубов?

— Из-за давления, дорогой мой! Из-за адского давления! На этих женщин оказывается гигантское давление нелёгким глубоководным бытом и к тому же толщей воды, которая накопилась в океане за миллионы лет его существования...

И тут — как грех среди ясного неба — в кабак ввалился самопроизведённый капитан местной самообороны, некто Пётр Оперкотович Забияка, с криком:

— Товарищи! Гражданская война, хвала Аллаху, началась! Хватай вилы и грабли и айда молотить озимые кто во что горазд!

При этом он так размахивал обрезком старого ружья наполеоновской эпохи, что чуть не выбил зубы местному коту сиамской породы по кличке «Мезозой».

Толпа, состоящая из одного пьяного сапожника, двух девиц с корзинами фальшивых бриллиантов и меня, бухгалтера с зарплатой в 12 рублей 45 копеек, тоже немного подшофе и Иван Килы — местного кабацкого поэта, замерла в оцепенении.

— Гражданская война? — переспросил я, отрывая кусок хлеба от бутерброда с селёдкой и протягивая его обезумевшему раненому коту.

— Да! Гарри Андреевич! — завопил Пётр Оперкотович. — Армия восстала против правительства!

— Какого правительства? — уточнил я. — Нашего или ихнего?

— Нашего! — он вновь замахал руками, да так энергично, что уронил лампу, устроив небольшой пожар в сердцах присутствующих. — Теперь мы будем воевать за справедливость!

— За что воевать-то? Изъяснитесь яснее! От ваших недомолвок у местных барышень голова идёт кругом! — беспокойно спросил я, пытаюсь спасти свои записи о расходах на керосин от вандализма, и указывая носком левой ноги на раскрывших рты дам.

Тут в разговор встрял местный пьяница, дед Макабр, который последние три дня валялся под лавкой, как бы разыскивая утерянную во время перетягивания каната запонку, но сегодня почему-то ожил:

— Я знаю! Мы будем воевать за то, чтобы в кабаке не разбавляли водку!

— И за то, чтобы селёдку тоже не разбавляли — севрюгой! Доколе, граждане, мы будем терпеть эту камарилью? — неожиданно энергично, почти без пыли, вступила в разговор одна из девиц сивой породы — Агафья Косогривая, переломив ситуацию в гастрономический ключ.

— Это, господа, уже революция! — воскликнул почему-то молчавший до сих пор сапожник. — Всё как по писаному пошло! Вначале шёпот по подворотням, а потом императора на вилы! Такое я уже видел, в 1380 году, на Куликовом поле! Я тогда ещё мальчонкой был... По дворам скитался я, очень часто дрался я и учиться в школу не ходил!.. —

он сопровождал свой монолог виртуозным танцевальным па с участием ступней и ладоней обеих рук.

Потом поэт Иван Кила со слезами на глазах прочел революционное стихотворение:

«Промозглым утром в сером году
Я на работу иду среди сотен сонных людей...
Какой тяжёлый день.

А там в светлом просторном бюро
Сидят, прищурившись хитро, творцы несвежих идей...
Какой тяжёлый день».

Дед Макабр вызвался сочинить на них музыку и петь её под лютню на городских ярмарках.

Так под аккомпанемент разбитой посуды и криков «Да здравствует свобода!» и «Можем повторить!» я ни сном ни духом оказался в рядах Народно-освободительной армии губернии N, где меня через сорок минут после зачисления произвели в полковники. Честно говоря, я даже не успел толком сообразить, на что подписываюсь. Меня просто поставили в строй, дали деревянную саблю из бузины и сказали почти серьёзно:

— Заклинание для активации опции «Коли!» твоей сабли – Авада Мудата, заклинание на заворот кишок — Крутиверус. Теперь ты командуешь батальоном! Тяжёлое вооружение и снасти добудем с боями!

Вся наша армия, на тот момент, состоял из Петра, сапожника, двух фальшивых сестер милосердия и местного кота,

который, по словам Петра, был единственным, кто умел читать карты и всегда знал, что в прикупе. Мой батальон состоял из меня... Дед Макабр по началу в армию вступать отказался, ссылаясь на возраст, за что Петр пообещал его в дальнейшем, после приобретения власти, приватно расстрелять. После смертельной угрозы дед вступить в армию согласился, правда с оговоркой на глухоту, и достал из-за пазухи краденый наган. Поэта Килу забраковали на этапе рекрутинга в силу того, что он, как выразился Макабр: «Малохольный!», что читает стихи проституткам, и что с бандюгами жарит спирт.

И вот под всеобщее ликование мы двинулись в сторону губернского штаба — то есть в сторону соседнего кабака, где, как гласила народная молва, окопались представители «местной буржуазии». По пути к нам присоединился ещё один «боец» — местный бездельник и философ-киник Бойка Квакмэн, который заявил, что «война — это отец всего, а мир — маманя всего!» и тут же упал в канаву, изображая пулевое ранение. Но его быстро подняли, потому что, как объяснил командующий нашей армией капитан-генерал Пётр, «у нас сейчас каждая сволочь на счету!». Бойка был определён в кавалерию с присвоением звания есаул, не бросивший коня.

В общем, так началась моя карьера полковника в армии, которая даже не подозревала, что она армия.

Мы шли всю ночь, распевая пролетарские песни типа:

«Зачем ты ходишь пред тюрьмою?..» и «Зачем я, мальчик, уродился?..», сбились с пути, сожрали все припасы и в итоге оказались... у моего дома. На моём подоконнике стояла капуста и воняла, подчеркивая мою пролетарскую принадлежность.

— Вот он, вражеский штаб! — закричал Пётр Оперкотович, указывая на флигель нашего дома, в котором проживал мой сосед Сосипатр. — Там прячется враг!

— Какой враг? — спросил я. — Мой сосед? Он же агроном! Хотя зачем-то разводит сусликов!

— Агроном — это маска! — заявил Пётр Оперкотович. — Сейчас каждый суслик — агроном! — и первым бросился в атаку.

Так началась гражданская война, кровопролитная и беспощадная.

Расправившись с моей капустой и остатками пива из соседских припасов, мы, расквартировавшись на соседской кухне решили разработать тактику и стратегию, которые, подобно древнеегипетскому калейдоскопу, так и роились в голове Петра.

Пётр для наглядности разложил на столе картошку и игральные карты. (Позже так стали поступать многие великие полководцы.)

— Вот мы... — объяснял он, выкладывая в центр стола ровненькую во всех отношениях картофелину. — А вот Бастилия! — прокричал он и бросил на край стола другой, уже

подгнивший корнеплод.

Потом он вытащил из колоды вальта, даму, короля треф и лихо бросил рядом.

— Стремительный блиц крик, и мы на коне! — он не глядя, шулерским движением, достал из колоды туза пик и, показав всем присутствующим, засунул обратно в колоду. — Оружие мы могли бы раздобыть в домике для инвалидов, но там нет патронов. Это знает каждый мало-мальски разбирающийся в оружейном деле левша.

— Точно! — вмешался в разговор контр-адмирал Бойка Квакмэн. Он за время похода решил перейти из кавалерии в моряки, с присвоением себе соответствующего воинского звания:

— И пушай пиштоли больше кирпичом не чистют!

После этих слов Пётр подошёл к Бойке, что называется впритык, горячо обнял, поцеловал его и произнёс с надрывом:

— Зови меня просто — Пьер! — потом Пьер жаловал ему шубу из бобра, которую он надеялся с боями отбить у буржуазии в будущих походах и сражениях.

Бойко награду принял с достоинством, не распуская нюни, просто расцеловав руки Пьера.

— Потому идем напрямиком на Бастилию! Там сейчас, если я не ошибаюсь, верховодит маркиз де Лоне. — продолжил Пётр, нахмутив брови, и так же виртуозно, не глядя, достал из колоды короля бубен и бросил его на стол и подобно за-

правскому пирату вонзил в него кухонный нож.

— Если под Бастилией вы имеете ввиду нашу старую тюрьму, то сейчас её руководит капитан Мандрат Непейжижа. Он по ряду неудачных генетических случайностей является моим кузенком, если это иностранное слово уместно в данной революционной ситуации, — конкретизировал я обстоятельства.

— Какая разница, товарищ полковник, кто чей родственник! — воскликнул Пьер. — Революция не знает регалий и кровных уз! Революция считает всё это в один сусек и с остервенением скребёт там своими натруженными, неуёмными ручищами до образования сдобной сферической формы типа Колобок!..

После этого Пьерова спича дамы, сидевшие поодаль на лавке, захлопали в ладоши, сняли лифчики и бросили их Пьеру, таким образом по достоинству оценив его аллегории.

Ознакомившись с нашим планом, сидевший в углу сосед попросил развязать его и с пылкой старческой удалью возжелал присоединиться к нашему беспощадному бунту, пообещав экспертное содействие в вопросах распределения земельных угодий, если на то будет божья воля.

Пьер игнорировал увещеванья и, посмотрев на соседа Сосипатра с презрением и однозначно подмигнув Агафье, воскликнул:

— Господа! Камрады! Нет, не так!.. Товарищи! Именно так отныне мы будем называть друг друга и других наших

товарищей. Выступаем на рассвете! Постарайтесь сегодня уснуть!..

— У меня есть план. Я хочу быть вначале наставником душевного больного, а потом секретарём генерала. — просипел изрядно захмелевший Подкаблучников и упал.

Его аккуратно вынесли на крыльцо и положили на бок, на случай неконтролируемой блевоты.

Вся гвардия разбрелась по дому в поисках ночлега и вскоре притихла, как того требовал установленный Квакмэном комендантский час.

2

С(#). Утром все проснулись немного помятыми, но одухотворёнными и возбуждёнными. Дамы организовали ромашковый чай, а я раздобыл кренделей с маком и воблы. Ночью предсказуемо пропал Сосипатр, но об этом никто не пожалел, так как все понимали, что он мелкобуржуазный недоби-тыш, и что с ним всё равно пришлось бы рано или поздно кончать самым решительным образом, как того требовал товарищ Карл Маркс. Комнату его экспроприировали, заколотив дверь гвоздями. После завтрака и минутного митинга, на котором нашей армии было присвоено имя Франсуа Мари Шарля Фурье, наша армада двинулась в направлении тюрьмы, она располагалась на улице Наркобаронской.

Когда мы подошли к воротам тюрьмы и пригото-вились к штурму, ошетилившись вилами и граблями, нам навстречу вышел мой кузен Мандрат, лучезарно улыбаясь с раскину-

тыми для объятий руками. Он был одет в парадный мундир и душевную улыбку. Мундир сидел на нём так, как сидит на дачном заборе выцветший плакат «Милости просим»: с достоинством, но без особой надежды на соответствие размерам. Пуговица на животе держалась из последних сил.

Зато улыбка капитана была такого масштаба и такой теплоты, что при ней мундир казался уже не зловещим одеянием служителя карательного аппарата, а чем-то вроде домашнего халата, в котором хозяин выходит встречать дорогих гостей.

— Bienvenue au saint monastère — просто, без обиняков заявил он. — Прошу, прошу! И давайте без церемоний!

— Живёшь в России, говори по-русски! — в той же валюте отреагировал на приглашение Пётр и по наспех написанному вечером уставу сплюнул через передние зубы.

Все посмотрели на Петра со старославянским уважением, какое в наше просвещённое время обыкновенно выражается не в поклонах и земных падениях, а в том, что окружающие временно перестают жевать и моргать. Дамы предприняли книксен; одна из них — Дуняша, та что постарше — с такой основательностью, будто падала не в реверансе, а в обморок, и была при этом готова лежать до весны.

— Милости просим! — загудел капитан, — Заходите, заходите! Гостями мы завсегда будем довольны!

Далее мы, повинуясь невиданной силе обаяния капитана, двинулись внутрь тюрьмы, но при этом соблюдая револю-

ционную осторожность, беспрестанно, как тати, оглядываясь по сторонам. Коридор был длинный, мрачный и вымощен такой тишиной, какая бывает только в местах, где люди временно лишены права на разговор. По стенам бежали какие-то трубы, и с каждой капало.

Дамы шли, держась за руки, и тихо перешёптывались, как две монахини, которых по ошибке занесло на скачки. Одна спрашивала другую:

— Агафья, а это правда, что здесь расстреливают?

— Не знаю, — отвечала Агафья с достоинством. — Но зато здесь тепло.

Кабинет капитана оказался просторным помещением, обставленным с той тяжеловесной солидностью, какая свойственна канцеляриям, где решаются вопросы не только служебные, но и человеческие, причём первые — в самую последнюю очередь. На стенах висели портреты императора, и с каждого он смотрел так, будто лично вас знает и всё о вас уже решил.

В кабинете стояли: самовар и водка, причём как-то нарочито напоказ. Самовар — медный, начищенный, блестел так, что в нём можно было увидеть своё будущее. Водка же, напротив, стояла в графине из мутного стекла, и будущее в ней не отражалось — только настоящее, да и то приблизительно.

— Садитесь, дорогие! — пригласил капитан, указывая на стулья с такой широтой жеста, будто предлагал не казённую мебель, а свободу вероисповеданий. — Чайку? Или, может,

чего покрепче? У нас, знаете ли, так ещё с печенегов заведено: сначала конвой, потом — банкет!

Опытный Пётр, который в подобных ситуациях был, что называется, тертый калач и пережил столько, сколько иным хроникёрам на три биографии хватит, в начале налил водки деду Макабру. Дед Макабр — старик крохотный, сморщенный, похожий на высохшее яблоко, но с глазами такого пронзительного оттенка, что, казалось, он видит сквозь стены и читает мысли через две комнаты, — принял стакан с видом ветхозаветного пророка, которому, наконец, принесли Грааль с нектаром. Понюхал, поморщился, перекрестился и выпил одним глотком, как лекарство. Потом посидел, прислушиваясь к собственному Атману, как опытный диагност к пациенту, и, убедившись, что организм и внутреннее я не выразили протеста, кивнул Петру: дескать, жив, можно продолжать.

И только тогда, убедившись в её безопасности — имеется в виду водка, а не способность деда Макабра выживать после употребления сомнительных жидкостей — Пётр принял её сам.

Выпил не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой, как человек, знающий, что торопиться в этом деле — значит потерять не только удовольствие, но и, возможно, способность стоять на ногах.

Капитан Непейжижа смотрел на эту церемонию с добродушным любопытством, как смотрит крестьянин на то, как

кот проверяет молоко.

Потом, нарушив протокол, так как это обычно делают в начале, на вышитом крестиком полотенце мордатый ефрейтор по фамилии Подпитыш вынес нам Хлеб с солью.

— Прошу покорно, — сказал ефрейтор голосом, от которого по коридору прошёл лёгкий сквозняк.

Но Пётр, осмотрев хлеб-соль тем самым хозяйским взглядом, каким опытный пекарь осматривает чужой каравай, распорядился экспроприировать оный в пользу продразверстки и отправить в голодный Петроград.

Подпитыш отдал полотенце с таким выражением лица, какое бывает у ребёнка, когда у него отбирают игрушку и говорят, что он вырос. Но перечить не посмел — Пётр обладал той особенной властью, которая не нуждается ни в чинах, ни в мундирах, а держится исключительно на том, что человек с нею родился, а не выучился.

Потом застолье как-то перетекло в салонные беседы и подозрительный сапожник, находившийся у нас в чине улана первой статьи, поинтересовался у капитана его мнением о переустройстве государства. Капитан немного подумал и ответил просто:

— Есть вещи, за которые страна должна разрушаться и перезапускаться; и к числу таких вещей относится не только попытка как главный народный промысел, но и создание системы отрицательной селекции во всех областях государственной жизни, и абсолютная пассивность как залог выживания,

и систематическое уничтожение всего смелого и талантливо-го с последующим многолетним оплакиванием, и циничнейшая государственная ложь на всех уровнях, и вырождение во всех областях, на фоне которого упадок Рима выглядит триумфом воли и хорошего вкуса.

После этого спича Капитан Непейжижа был зачислен рядовым в нашу гекатомбу с испытательным сроком в сорок сороков.

Далее были неловкие притирки и извинения и после непродолжительного митинга и перевооружения в складах тюрьмы, мы отправились освобождать томившихся в застенках наших революционных товарищей, или как говорил дед Макабр: «Жертв режиму». Состав «жертв режиму» впечатлял... Четверо фальшивомонетчиков: Казьма Худобздуев — фальшивомонетчик и брачный аферист, Ибрагим Дудуев — больше известный как «Красавчик Джо», болгарин Братан Кармазов, известный тем, что сдал охранке своего сводного брата, и Иван Подкорытников — фальшивомонетчик и псевдоветеринар, угодивший за решётку за сожительство со свиньёй. Едва выйдя за ворота, все, кроме болгарина, благополучно растворились в толпе. Дальше было двое душевнобольных, один из которых воображал себя Марией Антуанеттой, а второй возжелал присоединиться к нам в статусе полкового барабанщика. Был, правда, ещё один молодой аристократ — господин Кукишев, которого семья уpekла в тюрьму за роман с собственной сестрой. Тот сказался одно-

ногим и участвовать в боевых действиях наотрез отказался. Когда же я указал ему на наличие обеих ног он рассмеялся мне в лицо и заявил, что одна нога у него чугунная и приставлена к туловищу для равновесия. Говорят, что за неделю до этого из «Бастилии» перевели Иосифа Джубашвили — исключительно потому, что тот орал в окно через жестяную трубу, будто революционеров внутри режут на куски, и мешал спать охране. Но позже, под пытками, выяснилось, что всё это рассказы охранки.

Да, Пётр, он же Пьер, как он называл себя вне батальи, послал письмо своему дяде художнику Жану Пьеру Уэлю, чтобы тот запечатлел это эпическое событие на полотне, но выяснилось, что тот давно умер, и письмо затерялось где-то в Европейских бюрократических почтовых коридорах.

В общем, на поверку, освобождённые оказались нам вовсе не товарищами, а гнидами казематными. Однако в здании тюрьмы нам удалось разжиться не только оружием и патронами, но и динамитом. Теперь мы были вооружены до зубов, но у нас пропала стратегическая нацеленность. Бродить по городам в поисках Чевенгура нам было неинтересно, потому мы отступили на ранее освоенные кормовые базы, в область кабака товарища Наливайки, где решили дожидаться подхода основных сил.

Интересный исторический факт. Спустя годы тюрьму в итоге разобрали до основания. Но и тут не обошлось без прозы жизни. Предприимчивый строительный подрядчик Васи-

лий Чубайсин быстро сообразил, что к чему. Он нанял рабочих, разобрал нашу «Бастилию» на кирпичи, вырезал из них миниатюрные копии тюрьмы и распродал их по всей губернии в качестве сувениров.

Истории не нужны факты, ей нужен красивый символ. Чтобы начать великую революцию, не обязательно штурмовать цитадель зла. Достаточно разгромить полупустой склад с порохом, выпустить на волю четырёх мошенников и двух сумасшедших, а потом продать кирпичи туристам.

3

D(b). После возвращения в штаб все как-то приуныли, потому что всех накрыла постреволюционная хандра и осознание того, что нужно будет что-то делать с инфляцией и прибавочной стоимостью. Из всего комсостава Маркса прочел один я. Мой кузен тоже был грамотным, но, во первых, он был пока ещё рядовым и не сознательным в революционном стиле, а во-вторых, одним Кантом и Гегелем сыт не будешь. В общем, нам пришлось учредить временное правительство и срочно начать подготовку к залоговым аукционам. Пьер назначил себя премьер-министром и верховным главнокомандующим, на западный манер. Я был назначен ответственным за экономический блок. За культуру и рекрутинг, объединённые в один блок, отвечал улан первой статьи, бывший сапожник — Пантелеймон Подкаблучников. Министрами здравоохранения были назначены Дуняша Кулакова и Агафья Косогривая, до восстания промышлявшая ворож-

бой на кофейной гуще. Министром спорта — дед Макабр, а министром пропаганды — Бойка Квакмэн. Присоединившийся в последний момент болгарин Братан Кармазов был принят на испытательный срок начальником над интернационалом. Да душевнобольной Дмитрий Сергеевич Глинкин, как обладатель шикарных усов, был назначен пресс-секретарём и начальником министерской канцелярии, а второй его собрат по душевной болезни — Федул Соплин как единственный обладатель очков был зачислен начальником расстрельного отряда и продразверстки. Остальные участники восстания были означены рядовыми и поставлены на довольствие согласно штатному расписанию.

Когда правительство было сформировано, было решено начать работать как проклятым над созданием первого в мире государства, где власть принадлежит всем, но это оказалось не так-то просто, потому мы решили начать работать завтра, а сегодня праздновать победу, потому что это дело было несложным и не требовало каких-то особых профессиональных знаний и навыков. Хозяин кабака притащил откуда-то экспроприированный именем революции у него же граммофон, и все начали танцевать революционный танец марсельезу. Вдоволь натанцевавшись, мы принялись устраивать революционный диспут. Революционный диспут от обычного отличают: горячность, с которой ведётся диспут, и кожаные тужурки, в которые должен быть облачён президиум диспутствующих. Когда все формальности, кроме курток,

были соблюдены, Пётр для порядка прокашлялся и начал:

— Слово для произнесения первого спорного тезиса предоставляется... — он обвел всех испытующим взглядом несколько раз, а потом молча указал пальцем на Квакмэна.

Тот нисколько не удивился такому выбору Пьера и тоже прокашлялся, чтобы, так сказать, соблюсти революционный регламент:

— Про разного рода революции, товарищи, я знаю преимущественно из книг, коими меня пичкали малограмотные родители. Но, несмотря на это, я имею ясное представление о целях и задачах революции. Основной движущей силой революции является террор, поэтому я предлагаю завтра же утром начать продразвёрстку и еврейские погромы.

— Я бы советовал начинать не с евреев, — произнёс Федул Соплин, поднявшись с места и вытянув руку в направлении Палестины.

— Это почему это? — спросил Дмитрий Сергеевич.

— А потому, — в разговор вошёл Пантелеймон Подкаблучников, — что евреи не классовые враги! Они, в сущности, смешны своим способом существования, они очень смешной народ. Их бытие — пародийно, жизнь их — непрекращающийся фарс... Они ухитряются быть смешными даже тогда, когда им совсем не до смеха. А им, надо сказать, почти никогда не до смеха.

— Да жидов оттого и колотят, что они — бабы: как русские мужики своих баб. Жида — не они, а оне. Лапсердаки

их суть бабьи капоты: а на такого кулак сам лезет. Сказано — «будешь биен», «язвлен будешь». Тут — не экономика, а мистика; и жида почти притворяются, что сердятся на это, — с горячностью выпалил дед Макабр.

— Я согласен с товарищами! — поддержал я диспут.

— А позвольте узнать вашу девичью фамилию, товарищ полковник? — ехидно поинтересовался у меня душевно-больной Дмитрий Сергеевич, не вставая с места, хотя слова ему никто не давал.

Видимо, свежа ещё была память об Альцгеймере, скрутившем его прошлой зимой.

— Моя фамилия Поххер, Гарри Поххер, но это не имеет отношения к данному вопросу! — ответил я с максимальной невозмутимостью.

— Позвольте с вами не согласиться! — не унимался Гликин. — Мы должны начать чистку с наших рядов, а уж потом обратить свой взор на учреждения культуры и прочие консерватории.

Слово «консерватории» он иллюстрировал пантомимой, изображая выющиеся пейсы.

— Мой род берёт свое начало с Уральских гор и равнин и далее, от плодородных угодий Поволжья и Сызрани, до бескрайних степей Калмыкии, — совсем по детски начал я оправдываться. — Если бы моя фамилия была к примеру Розенталь — «долина роз» или Гольденберг — «золотая гора», я бы мог с вами согласиться, но старославянский корень

«похер» явно указывает на моё древнерусское происхождение, скорее с половецким уклоном.

— Не мути воду, Глинка! — вступился за меня Пьер. — Товарищ полковник в боях доказал свою преданность делу революции.

После этих слов Пьера Квакмэн встал со своего насиженного места и заехал Глинкину в зубы, тот заскулил и забился в угол. Этот акт насилия вызвал у всех подозрение Квакмэна в жидомасонстве, но от взгляда на его огромные кулачищи, подозрения рассеялись абсолютно у всех.

После неловкой паузы Дед Макабр встал, подошёл к граммофону и перевернул пластинку. Из трубы забасил Шаляпин, все притихли, как на поминках. Макабр снял валенки и прошелся по кругу, по-медвежьи косолапя, в танцевальном припадке, хлопая себя со всей дури руками по всем местам. Все зааплодировали, так как пассионарность деда завораживала и побуждала. После цирковых этюдов дед перешёл на цыганочку, а потом на мазурку. Вторая дама нашей гекатомбы по имени Дуня и фамилии Кулакова не выдержала и, сорвав с себя хиджаб, тоже бросилась в пляс, изображая царевну лебедь из известного балета.

— Талия осиная, а ебло лосиное! — шепнул мне на ухо Пьер.

— Но нужно заметить, — возразил я тоже шёпотом, — что она на полголовы его выше и на целую голову умнее.

— Лучше торт посыпать солью чем, допустим, канифо-

лю! — ловко парировал Пьер в поэтическом ключе.

В общем диспут удался. И, как говаривал, то ли Пушкин, то ли Кюхельбекер «Кто между нами жил — тот в цирке не смеется!»

Далее было принято решение создать свой печатный орган. Пантелеймон предложил издавать журнал «Красный подкаблучник», но министр пропаганды Бойка настоял на боевом листке под названием «Коленный сустав революции». Название и формат издания всем понравились и были одобрены, что было запротоколировано Дуней, которая по заданию штаба армии вела зашифрованный в шумерском стиле протокол собрания.

Редактором и автором передовиц был назначен мой кузен Мандрат. Он с охотой взялся за новую должность, предложив разместить в боевом листке рекламу бани, в которой он был на паях. Узнав сумму поступления от рекламы в партийный бюджет, все охотно согласились с тем, что НЭП необходим на первом этапе становления молодого свободного государства. К стати, забыл сказать, что нами была создана революционная партия под хлестким названием «Госпитальеры пролетариата». Все, кроме моего кузена, были в неё приняты единогласно, даже хозяин трактира Сигизмунд Наливайка, правда под дулом Макаброва нагана. С него же как с гражданского под тем же дулом, были получены и первые партийные взносы. Штаб партии и заседания временно-го правительства было предложено перенести в здание при-

сутственных мест. День шёл к логическому финалу, потому было принято решение не расходиться по домам, а завтра со свежими силами начать осаду почты, телеграфа, вокзала. Для этого решительного штурма Мандрат предложил Пьеру, чтобы тот послал Пантелеймона нанять негров.

— Как известно, — горячо рассказывал он, — в войне против Парагвая аргентинские чернокожие батальоны отправляли в такие атаки, откуда возвращались только полковые барабаны, а белые солдаты оставались целёхоньки!

Но Пантелеймону как-то удалось всех убедить, что «...к завтраму мы негров в таком количестве никак не раздобудем!»

В финале, по совету случайно зашедшего пропустить рюмочку извозчика, было решено произвести выстрел из носового орудия какого-нибудь более-менее подходящего крейсера, если таковой будет обнаружен в наших лесах. Если крейсера не сыщется, то решили пальнуть из цирковой пушки, посадив в неё какого-нибудь мягкотелого чиновника, выкрашенного в зелёный цвет нашего флага.

4

Д. Утро, как мы и предполагали, настало. После плотного завтрака и ещё более плотного бранча было принято решение с захватом административных объектов погодить. В запале революции все как-то подзабыли о днях недели. Когда же я обратил на это внимание Пьера, тот волевым решением отменил скоропалительный штурм, резонно перенеся его на

понедельник.

— В понедельник они нас не ждут! — кричал Пьер и бил палкой колбасы в барабан Глинкина. — Вспомните битву при Платеях. В понедельник мы как снег на голову им свалимся!

Доводы были железными, и вся наша законодательная, да что там говорить... и исполнительная власть с ним безусловно согласились. Решение о переносе штурма записали огрызком карандаша на полях нашего боевого листка, между передовицей о вреде прибавочной стоимости и коммерческим объявлением о пропавшей козе.

Сигизмунд Наливайка явился из погреба с пустым ведром и лицом, на котором читалась та особая скорбь, что бывает у интендантов, обнаруживших пустоту там, где ещё вчера имелаась плотность субстанции, и сообщил нашему войску, что провиант кончился, и что необходимо немедленное его пополнение, если мы хотим избежать каннибализма и голодомора, как в Ирландии. Было решено сегодня же начать продразвёрстку, но без перегибов на местах. Пьер особенно подчеркнул, что «перегибы на местах» означают не то, что можно гнуть своё на месте, а то, что не следует допускать излишеств, злоупотреблений и прочего, что компрометирует высокое звание революционера первой волны.

Для продразвёрстки был создан летучий отряд, состоящий из трёх до зубов вооружённых пролетариев и одного товарища женского полу — Дуни Кулаковой, ещё недавно мо-

рально и физически угнетённой, включая туловище, а ныне во всех смыслах раскрепощённой. Все трое бойцов отличались широкими плечами, сдержанностью в речи и готовностью к действию, которая компенсировала отсутствие военной выучки и навыков отъёма продовольствия. Летучим же отряд являлся не в смысле быстроты, а в смысле той лёгкой, почти воздушной непредсказуемости, с какой он мог появиться где угодно и так же исчезнуть, оставив после себя пустые полки и смутное чувство благодарности у тех, кто не успел спрятать провиант. Из материально-технического обеспечения отряду была придана кибитка, экспроприированная у бродячего цирка Шапито вместе с глотателем шпага, который проявил неподдельный интерес к нашему делу и любезно согласился править кибиткой. Глотатель был худ, бледен и носил на шее след, оставленный шпагой, которую как он утверждал, однажды проглотил не туда — след, придававший ему вид человека, навсегда удивлённого собственным выбором профессии.

Пьер стоял на крыльце штаба, провожая отряд взглядом, и колбасой, которой он уже не бил в барабан, а просто держал, как держат знамя — под мышкой.

— Без перегибов! — крикнул он вслед.

— Без переги-и-бов! — ответила Дуня из кибитки, и голос её, звонкий и ясный, прилетел к нам вместе с пылью...

Барабан Глинкина молчал. Понедельник был ещё далеко.

Через пять часов продотряд вернулся в штаб, правда с

небольшими потерями. Глотатель шпаг — товарищ Шри Бирумаломалай, в миру — Тарас Прихлебайло, погиб при невыясненных обстоятельствах при экспроприации сала в подвале лавки под названием «Прихлебайло и К^о». Правда, тела погибшего никто не видел, кроме экспроприированного лавочника, но тот клялся на крови какого-то Джонстона Маккалли, что видел, как глотатель был убит рапирой в молодецкую грудь каким-то негодяем в чёрных: плаще, шляпе и маске и назвавшимся неким Зорро. После этого кровавого эпизода Квакмэн, чтобы сохранить жизни оставшихся бойцов, решил срочно свернуть операцию и доложить о случившемся Пьеру.

Пьер, который только что вышел из трактира, застёгивая рубашу и приглаживая волосы, будто собирался выступать на митинге, а не слушать отчёт о спецоперации, осмотрел набитую провиантом кибитку и сказал:

— Рассказывай!

Выслушав доклад, он похвалил Квакмэна за военную хитрость и назначил его начальником отдельного чрезвычайно-го отдела по борьбе с контрреволюцией и прочей нечистью, сокращённо — ООН.

Остаток вечера наша армия провела в поминках по товарищу Бирумаломалаю. На поминки по приглашению Квакмэна пришёл свидетель славной кончины героя — тот самый лавочник. Он, глотая слёзы, сообщил нам новые подробности трагедии. Что де перед смертью, на последнем дыхании,

герой сообщил ему, о том что отцовская его фамилия была не Прихлебайло, а Жуйборода, и что мать его была крестьянкой и выносила его в своих внутренностях рядом с тёплым пережёванным ржаным хлебом, и по сути своей он более крестьянин, чем артист буржуазного интертайнменту. Что де, если он всё это расскажет его боевым товарищам, то ему из партийной казны выдадут десять рублёф. Женщины от таких жалостных фактов непременно заплакали, вспоминая мощные предплечья и луженую глотку героя, а мужчины угрюмо молчали, лишь изредка, с элементами ламентации, читая с листа изящно составленные Мандратом, панегирики. Денег, правда, ему не дали.

Ночь прошла уже в приподнятом настроении, в предвкушении предстоящей битвы. К часу ночи приглашённый цыганский оркестр заиграл какую-то чудесную музыку. Музыка та, содержала — и это, пожалуй, наиболее точное определение — некие центробежные силы. Она буквально разбрасывала людей в разные стороны, и каждый, кого она касалась, пускался в пляс с такой отчаянной, экзальтированной решимостью, словно это был последний танец в его жизни. Что, учитывая предстоящий понедельник, могло быть не так уж далеко от истины. Первым, как обычно, начал дед Макабр, он танцевал, как рубил дрова: мощно, прямолинейно и с грозным сосредоточением лесного разбойника.

К трём часам ночи танцы перешли в стадию, которую в старину деликатно называли «Рагнарёк». Это выглядело как

битва богов и стихий. Одни были как Сурт, другие Ёрмунганд, третьи — асы и великаны. Они не обнимались и не кружились, а сталкивались, отскакивали и замирали в напряжённых позах. В апогее, кто-то — кажется, это был всё таки Квакмэн, хотя он потом клялся, что нет — вытащил револьвер и пальнул в небо. Звук был такой, будто лопнул весь небосвод разом. Через минуту стреляли уже все. Палили в небо, в звёзды, в общем направлении вверх, что было, по крайней мере, безопасно — если не считать одной пули, которая срикошетила от водосточной трубы и разбила окно на втором этаже дома, на что Федул Соплин заявил, что окно, скорее всего, было старое.

Стрельба продолжалась около получаса, после чего выяснилось, что патроны кончились. Это открытие было встречено минутой молчания, которая, впрочем, не показалась вечностью, и которая была прервана Пьером, сказавшим с глубокой мудростью, достойной записи в анналы:

— Что ж, товарищи. Если патроны кончились, значит, это кому-нибудь нужно. Это не повод для расстройства. Это повод для сна.

За сим и решили закругляться. Раскрепощённые создавшей атмосферой революционной вакханалии женщины выбрали с той безошибочной точностью, с какой магнит выбирает железо, Пьера и Квакмэна как наиболее достойных революционного женского внимания и отправились с ними к Наливайке, в номера над трактиром. Мы же улеглись на

лавках, кто где попало, завистливо провожая взглядом хохочущие парочки.

Я лежал на спине, смотрел в потолок, по которому ползла трещина, похожая на молнию, и слушал далёкий, приглушённый, но отчётливый хохот, доносившийся из номеров над трактиром. Зависть — чувство, которое положено подавлять в человеке нового времени — поднималась где-то в районе солнечного сплетения и поднималась медленно, неотвратно, как тесто на дрожжах.

— Завидуешь? — спросил Глинкин из-под раздобытого где-то тулупа, не открывая глаз.

— Не без того, — признался я.

— Правильно, — сказал Глинкин. — Зависть — двигатель прогресса. Без зависти не было бы ни революций, ни женитьб, ни разводов, ни религии. Ложись и завидуй спокойно. Завтра ещё один день. То есть уже сегодня. То есть уже вчера. Какой сегодня день, кстати?

Я вспомнил, что мы так и не решили этот вопрос.

— Понедельник, — сказал я на всякий случай.

— Вот видишь, — ответил Глинкин и захрапел.

Утро, как мы и предполагали, наступало с неотвратимостью приговора. Сначала оно подкралось серой полосой на востоке, потом растеклось по крышам бледной рябью, и, наконец, обрушилось на нас во всей своей безжалостной ясности. Петух, зарезанный ещё накануне Подкаблучниковым «для поднятия общего тонуса», пел в курятнике, а в чугунах

ке, окружённый лавровым листом и морковными звёздами. К нему присоединились остатки вчерашней каши, ломоть сала толщиной в мизинец, три варёных яйца и горка картофеля, которые Пьер собственноручно выкопал на огороде, не спросив, разумеется, ни у хозяев, ни у огорода. Прокомментировав, правда, своё действие наблюдавшему за ним соседскому коту следующим спичем:

— Для войны нужны кое-какие способности, человеческие качества, минимальная солидарность и прочее — одного страха перед хаосом и веры в свою исключительность недостаточно.

Кот почему-то на это ничего не ответил.

Так как прощание с героем и прочие революционные мероприятия вчера затянулись, мы решили выступить после обеда.

— После обеда они нас точно не ждут! — рассуждал Пьер. — На заре ещё куда ни шло, но не после обеда. После обеда — никогда!

Подкаблучников одобрил действия начальника и отпросился на полчаса принести самогона, который якобы гнала его знакомая повитуха и настаивала на младенческих пуповинах для продления жизни.

После обеда мы все высыпали во двор, на митинг. Дед Макабр решил салютовать началу нашего наступления выстрелами в воздух из своего нагана, но оказалось, что патронов у него, как он выразился: «Хуй нанэ!». Патроны, впрочем,

отсутствовали у всего воинства. Слишком велико было наше вчерашнее возбуждение, слишком беспечно было наше ночное мероприятие, слишком дерзкими — клятвы, и слишком лёгкими — обещания. Тогда Пьер, полистав для вдохновения найденную им в номерах у Наливайки Илиаду Гомера, объявил:

— Пойдём в штыковую. Как сказал наш революционный поэт Гомэр: Пуля — дура, а штык — молодец!

Его поддержал Бойка Квакмэн, как бывший начальник пропаганды и обладатель лужёной глотки, он прочитал написанное моим кузенком воззвание:

— Решение реализовать проект нового мира требует большой смелости! — проорал он как роженица из Рязани и обвел нас орлиным взором. — Смелости для того, чтобы создать новые формы. Не содержание, а именно формы. Не случайно эйдосы у Платона — это формы. Мы все похожи, но не тем, что один и тот же гной течет в наших трубах, а смелостью, прожигающей любые преграды на своём пути!

Своей пламенной речью он хотел вынудить всех рвать на себе одежды, как рвут их в трансе Антильские негры перед образом святой Барбары...

На деле же, он сорвал бурные аплодисменты и одобрителный возглас деда:

— Хорош трепаться! Айда буржуев валить!

Подкаблучников начислил для храбрости всем по революционной стограммовке.

Мы выстроились «свиньёй» и двинулись навстречу смертельной опасности. Сапожник затянул «Чёрного ворона». Его голос был звонок, а поступь наша легка, как у молодых сайгаков.

5

D(#). Перед нами предстало здание присутственных мест. Мы остановились поодаль и замерли в ожидании воображаемой контратаки, но контратака не являлась. Простояв так четверть часа, наша «свинья» начала роптать изнутри, но Пьер вовремя спросил закурить у спешившего мимо с обеда Апполинария Колотушкина — мелкого чиновника, известного тем, что имел пять детей одного возраста от разных жён: — Уважаемый! Закурить не найдется? А то мы тут поиздержались в пылу революционных бурь.

Пьер явно заискивал, чем вызвал ревность у Агафьи.

— Вы же знаете, Пётр Оперкотович, я не курю, — ответил Колотушкин и хотел было пробежать мимо, но, увидев боевой порядок и решительный настрой нашей гекатомбы, остановился:

— Вы что же, на штурм никак не можете решиться? — он подошёл к мнущейся в арьергарде Агафье и подмигнул, потом повернулся к Пьеру. — За тридцать копеек могу провести вас через служебный вход. А за пятьдесят в кабинет градоначальника. Манифесты любой сложности — по пятаку. Текст аграрной реформы — три рубля. Приветственная речь на первом партийном съезде — червонец.

Пьер молчал. Дуняша торопливо конспектировала на коленке прейскурант. Мы опустили вилы и ждали решения верховного.

Наконец Пьер как бы вышел из забвения и зловеще прошептал на ухо Колотушкину так внятно и отчётливо, что все слышали:

— Реформу за два рубля отдашь?

— Побойтесь бога, Пётр Оперкотович! Вы же знаете моё материальное положение! Мне же нужно деток в гимназию определить и к тому же...

Не успел он закончить излагать своё бедственное материальное положение, как из центрального входа показался начальник жандармерии Василий Аристархович Харин в сопровождении двух дюжих жандармов, которые вели под руки какого-то крепкого человека грузинской наружности, явно неблагородного происхождения. Они остановились на крыльце и после непродолжительных наставлений Харина и акробатического раскачивания жертвы выкинули пролетария на мостовую. Ловкий Харин успел напутствовать летящего беднягу увесистым пенделем. Мы вновь ошетинились вилами.

Грузин упал в аккурат к ногам Квакмэна, стоящего в авангарде «свиньи». В этот момент Харин увидел нашу контубернию. Он театрально поднял свои меховые брови к небу и медленно достал наган. Сопровождавшие его жандармы, переглянувшись, тоже достали пушки.

Наша армия побросала вилы и направила свои пылающие взоры и не имевшее патронов огнестрельное оружие на противника. Мы имели численный перевес. Об отсутствии патронов Харин, естественно, осведомлен не был, если только среди нас не было крота, ведь в те времена у охраны были длинные руки. В этой сцене, для усиления художественного эффекта, подошёл бы мексиканский тупик.

— Что такое «мексиканский тупик»? — спрашивает тут меня сосед по палате.

А между прочим, к Мексике он имеет примерно такое же отношение, как селёдка под шубой — к моде. Назвали так, и всё. Могли бы назвать «тамбовским», или «рижским», или, скажем, «тупиком имени Христофора Колумба» — смысл от этого не изменился бы ни на йоту, потому что суть не в географии, а в том, что никто никуда не едет.

Ситуация, надо сказать, совершенно дурацкая. Люди стоят, у каждого в руке — оружие, и каждый направил его в другого. Не в себя, заметьте — в себя было бы проще, а главное, быстрее. Нет, каждый целит в соседа, и каждый при этом прекрасно понимает: нажмёшь — и тебя нажмут, потому что третий: тот, который слева, который в кепке и с нервным тиком — он не промахнётся. Он, может, и человек неплохой в обычной жизни, скажем, бухгалтер или даже заведующий отделом торговли, но в данную минуту он — функция. Функция возмездия, так сказать. И функция эта сработает безотказно, как мясорубка: стоит только загрузить сырьё.

В этом, собственно, и весь фокус. Не в оружии. Оружие — дело десятое. Важно то, что каждый оказался в положении, где инициатива равна самоубийству. Это, знаете, как в очереди за сахаром: первый в очереди вроде бы ближе всех к прилавку, но если он рванётся вперёд, то остальные повалят его, и вместо сахара он получит синяк под глазом и пятно на пальто. Так и тут: движение равно гибели, неподвижность равна ожиданию гибели, а третьего не дано. Вот это, собственно, и есть «мексиканский тупик»... Но тогда это было простым противостоянием людей с заряженным оружием и людей, не имевших такового.

В этот момент с мостовой поднялся выброшенный грузин. Он осмотрел диспозицию и, решив видимо возглавить штурм, молвил с акцентом:

— Господин штабс-ротмистр! Нэ валяйте дурака! Вас положат тут как куропаток! Мы сахраным вам жизнь! Сдайти оружие и вы сохранитэ лицо!

Ротмистр заговорил с ухмылкой:

— Когда ты, Осип, украл калоши у аптекаря, я отпустил тебя под честное слово... Сегодня ты пытался получить пособие как инвалид первой мировой по поддельной справке. Я за пятьдесят рублей закрыл на это глаза... Но это политический акт. Терроризм. Свержение власти. За участие в этой акции тебя с лестницы не спустят. Тебя повесят, как Пестеля. Ты оказался здесь случайно. Зачем тебе это нужно? У тебя же четыре класса образования. Ты даже не знаешь, что

такое прибавочная стоимость. А у этих клоунов нет патронов. Верно, Подкаблучников?! — Харин подмигнул Подкаблучникову, как старому знакомому.

Осип, не ожидавший такого поворота, на мгновение растерялся. Его смуглое лицо покрылось испариной, а чёрные глаза забегали из стороны в сторону под пристальным взглядом Харина, как муравьи от муравьеда.

— Василий Аристархович, — наконец выдавил он. — Я ж не за этим... Я ж на трамвай опаздываю! У меня ж трамвай с минуты на минуту уйдёт... Его акцент от волнения куда-то пропал.

Харин молчал и с кривой ухмылкой в упор смотрел на Петра. В его синих, как фурункул, глазах Пьер видел угрозу, проистекающую от направленных на него огромных ступней и холодной стали нагана. С трудом, помогая себе руками, Пётр тоже натянул на лицо улыбку и, воспользовавшись заминкой, шагнул вперёд:

— А ну-ка, Харин, не пугай народ! Мы здесь не для террора, а для справедливости!

— Для общей или специальной справедливости? — выказал Харин своё знакомство с Аристотелем.

Тут на помощь Пьеру пришёл мой кузен:

— «Справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так оно и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для нерав-

ных», — процитировал он того же Аристотеля на древнегреческом.

Харин опять поднял свои цигейковые брови:

— Кто сильнее, тот и прав! Разве вас в детстве не ознакомили с этой доктриной?

В диспут почти без брызг вошёл Бойка. Диспуты были сильной его стороной:

— Этот постулат нежизнеспособен. Единственная истина жизненна — «на каждую силу найдётся сила» или «сильный бьёт умного, хитрый-ловкий бьёт сильного, а умный бьёт хитрого», и так вечно по кругу.

— А если вот так? — сказал Харин и выстрелил в грудь Подкаблучникову.

Тот упал, как убитый. Забегая вперёд, скажу, после осмотра его тела в морге, местный доктор по фамилии Летальный-Таблетосов такой диагноз Подкаблучникову и определил.

В этот момент мы все побросали оружие и, подобно Сергею Жукову, подняли руки вверх.

— Зачем вы так? — со скорбью произнес Пьер. — Он хоть и предатель, но тоже человек.

— Не люблю предателей. Они думают, что умнее всех. Он мне больше не нужен, — сказал Харин с холодком.

Затем нас, включая Осипа и Колотушкина, выстроили гуськом, велели заложить руки за голову и повели в здание жандармерии — видимо для какой-то беседы. Подкаблучни-

ков же остался лежать на мостовой, в позе Витрувианского человека, как символ того, что человек и есть мера всех вещей.

6

Е(6). Если ты, дорогой читатель, читаешь этот дневник в двадцать первом веке, а не в двадцатом, когда он был написан, то тебе уже, наверное, сделалось скучно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.